

УДК 821.0
ББК 83 + 87.8

ПОНЯТИЕ ЭСТЕТИЧЕСКОГО ДОЛЖЕНСТВОВАНИЯ В ЭСТЕТИКЕ РАННЕГО БАХТИНА

© 2018 г. А.А. Юдин

*Национальный педагогический
университет им. М.П. Драгоманова
Киев, Украина*

Дата поступления статьи: 16 января 2018 г.

Дата публикации: 25 сентября 2018 г.

DOI: 10.22455/2500-4247-2018-3-3-10-25

Аннотация: В статье рассматривается эстетика раннего Бахтина, как она представлена в работе «Автор и герой в эстетической деятельности». Отмечается методологическое несоответствие между первой философией Бахтина как феноменологией события бытия и его эстетикой феноменологией эстетического события, поскольку в одном случае речь идет о непосредственном описании, а во втором — об опосредованном, ибо оно опирается на текст, но пренебрегает различием между автором и субъектом описания как разными центрами ответственности. Эстетическая деятельность предстает как аналог религиозного спасения и как выражение эстетического долженствования. Но понятие долженствования относится к событию бытия, недоступному теоретическому схватыванию, а только учаственному мышлению. Поэтому бахтинское понятие автора-творца предстает как недифференцированное соединение автора как трансцендентальной субъективности и собственной деятельности завершения исследователя, руководствующейся религиозно-эстетическим идеалом и описанной в тонах эстетического долженствования. Делается вывод о переходном характере эстетики (и философии) раннего Бахтина как частично успешном преодолении философского трансцендентализма, а также о плодотворности понятия эстетического долженствования, переосмысливаемого как герменевтическое долженствование.

Ключевые слова: автор-творец, трансцендентальная философия, трансцендентальный автор, феноменологический метод, участное мышление, эстетическое завершение, избыток видения, эстетическая любовь, эстетическое долженствование, герменевтическое долженствование.

Информация об авторе: Александр Анатольевич Юдин — доктор филологических наук, доцент, Национальный педагогический университет им. М.П. Драгоманова, ул. Тургеневская, д. 8/14, 01054 г. Киев, Украина.

E-mail: alexayu@mail.ru

Для цитирования: Юдин А.А. Понятие эстетического долженствования в эстетике раннего Бахтина // Studia Litterarum. 2018. Т. 3, № 3. С. 10–25.
DOI: 10.22455/2500-4247-2018-3-3-10-25

THE NOTION OF AESTHETIC IMPERATIVE IN THE EARLY BAKHTIN

This is an open access article
distributed under the Creative
Commons Attribution 4.0
International (CC BY 4.0)

© 2018. A.A. Yudin

*National Pedagogical
Dragomanov University,
Kiev, Ukraine*

Received: January 16, 2018

Date of publication: September 25, 2018

Abstract: The article deals with the aesthetics of the early Bakhtin as manifested in the work Author and Hero in Aesthetic Activity. The essay primarily points out a methodological discrepancy between Bakhtin's early philosophy and his aesthetics as variations of phenomenology. The former implies unmediated description while the latter is always mediated by the text albeit ignoring the difference between the author and the subject of description as two different centers of responsibility. The key notions of Bakhtin's aesthetics such as "consummation" and "aesthetic love" are borrowed from Hermann Cohen yet reconsidered from a different metaphysical standpoint. Aesthetic activity appears as analogous to religious salvation and as expression of the aesthetic ought. But the notion of the ought, according to Bakhtin's early philosophy, relates to the event of being which cannot be grasped theoretically but can be achieved only through participative thinking. This means reattribution of the reader's activity of consummation to the author. Consequently, the notion of the author-creator appears as the undifferentiated combination of the author as transcendental subjectivity and the researcher's own activity of consummation guided by religious-aesthetic ideal and described in the tones of aesthetic ought. The essay argues that early Bakhtin's aesthetics (and philosophy) had transitional character as partially successful surpassing of philosophical transcendentalism. It also proposes reconsidering the notion of the aesthetic ought as the hermeneutical ought.

Keywords: author-creator, transcendental philosophy, transcendental author, phenomenological method, aesthetic consummation, surplus of vision, aesthetic love, aesthetic ought, hermeneutical ought.

Information about author: Alexander A. Yudin, DSc in Philology, Associate Professor, National Pedagogical Dragomanov University, Turgenevskaya 8/14, 01054 Kiev, Ukraine.

E-mail: alexayu@mail.ru

For citation: Yudin A.A. The Notion of Aesthetic Imperative in the Early Bakhtin. *Studia Litterarum*, 2018, vol. 3, no 3, pp. 10–25. (In Russ.)

DOI: 10.22455/2500-4247-2018-3-3-10-25

Эстетика М.М. Бахтина, изложенная в его ранней работе «Автор и герой в эстетической деятельности», опирается в свою очередь на понятийный фундамент разработанной им нравственной философии (или первой философии). Она представляет собой феноменологическое описание Книга эстетической деятельности автора-творца по завершению героя. И хотя в самой работе такого положения нет, но, используя понятие, введенное в тексте «К философии поступка», можно сказать, что, по Бахтину, авторство — это форма реализации своего не-алиби в бытии.

Вместе с тем в самом тексте «Автора и героя» понятие автора в значительной степени предстает как *предельное* для эстетики, т. е. как последний, самый глубокий фундамент эстетической деятельности, фундамент литературы и творчества вообще¹.

Однако здесь обнаруживается некое методологическое несоответствие, расхождение между первой философией и эстетикой, коль скоро в обоих случаях Бахтин использует феноменологический метод и, соответственно, они являют собой в одном случае феноменологию события бытия

¹ В частности, то, что публикация текста «Автор и герой в эстетической деятельности» (1979) на семь лет опередила публикацию текста «К философии поступка» (1986), способствовало восприятию первого как вполне самодостаточного, а понятия автора-творца как своего рода *беспредпосылочного* понятия, т. е. как понятия, которое однозначно в своем содержании и выступает точкой отсчета в анализе и истолковании произведения, а не изменчиво и зависимо от других понятий (и, соответственно, их изменчивости). Вообще хронология публикации работ Бахтина, далекая от хронологии их написания, обусловила и усложнила рецепцию его текстов для мирового бахтиноведения. «Это сделало задачу рассмотрения творчества Бахтина как развивающегося целого крайне проблематичной. Ранние работы были прочитаны через призму более поздних, создав впечатление, что его идеи фундаментально не менялись» [11, р. 3].

и в другом — феноменологию эстетического события. Ведь существенная черта феноменологического метода состоит в непосредственности описания данного. Но, в отличие от феноменологии поступка, феноменологическое описание эстетической деятельности как авторской активности уже *не является всецело непосредственным*. Оно опосредовано текстом, созданным автором, хотя ставит перед собой задачу описания деятельности сознания этого автора. Иными словами, в отличие от феноменологии события бытия, где описание мира поступка с позиции субъекта поступка действительно исходило от этого субъекта, т. е. «я» как категория архитектуры события бытия совпадала с самоидентификацией субъекта описания — и, следовательно, можно говорить об определенной непосредственности (по крайней мере с точки зрения феноменологии в ее бахтинском варианте как архитектуры события бытия), — *в эстетике феноменологическое описание означает рефлексивность исследователя-читателя над собственным сознанием, а не непосредственно над сознанием автора*.

Это различие нейтрализуется тем, что Бахтин вводит синтетические понятия, в которых объединяются автор и читатель: автор-читатель [1, с. 223], автор-зритель [1, с. 147, 149, 151], автор-созерцатель, созерцатель-автор [1, с. 146, 150], автор-режиссер-зритель, а также общее понятие эстетического субъекта [1, с. 72]. Но, таким образом, описание деятельности эстетического субъекта в принципе происходит на уровне, где можно *пренебречь* различием между автором и читателем *как разными индивидуальными центрами ответственности* (в терминах самого Бахтина). И тем самым (уже в терминах Канта) автор-творец предстает как своего рода конкретизация понятия трансцендентального субъекта в эстетике².

Трансценденталистская составляющая обнаруживает себя в ключевом понятии эстетики Бахтина — «завершение», которое определяет суть эстетического события как такового. Понятие завершения выводится Бахтиным из архитектуры события бытия: эстетическое отношение автора и героя есть конкретизация этического отношения между «я» и «другим»³. Авторство выступает как обогащение избытка видения, которым

2 Эту мысль о понятии автора-творца как соответствии понятия трансцендентального субъекта в общем виде высказывал также А.В. Домашенко [3, с. 360].

3 «Это отношение изъе­млет героя из единого и единственного объе­млющего его и автора-человека открытого события бытия, где он — как человек — был бы рядом с автором — как товарищ по событию жизни, или против — как враг или наконец в нем самом — как он

располагает «я» в отношении «другого»⁴, и восполнение его до позиции внаходимости. Наконец, категория завершения уже фиксирует сугубо эстетический феномен, который не имеет соответствия в открытом событии бытия: «Цельный человек есть продукт эстетической творческой точки зрения, только ее одной...» [1, с. 155]. Нетрудно видеть, что в этой последовательности и конфигурации понятий, переходе от события бытия к эстетическому событию, сохраняется трансцендентально-феноменологическая позиция. Эстетический процесс целиком выводится из сознания и ограничивается сознанием, ибо сам он заключается в том, что второе сознание, сознание героя, здесь объемлется сознанием автора. При этом область эстетического конституируется исключительно сменой установки сознания. Избыток видения определяется как необходимое и достаточное условие последующего эстетического завершения: «Как пространственная форма внешнего человека, так и временная эстетически значимая форма его внутренней жизни разворачивается из избытка временного видения другой души, избытка, заключающего в себе *все* моменты трансгредиентного завершения внутреннего целого душевной жизни» [1, с. 178; курсив мой. — А.Ю.].

Однако с понятием завершения дело обстоит сложнее. Строго говоря, оно не выведено из феноменологии события бытия в том смысле, что в действительности избыток видения как чистая бытийная характеристика не является достаточным условием для завершения образа другого человека⁵. Не является оно и эмпирическим обобщением, хотя и обнаруживает большое поле соответствия в приложении к литературному материалу.

Сам термин заимствован из эстетики Германа Когена — *Vollendung*. При этом Бахтин переосмысливает его, исходя из метафизических основа-

сам...» [1, с. 97]. Однако стоит отметить, что именно непосредственность этого перехода, этой трансформации лежит за пределами феноменологического наблюдения как такового. Ведь оно недоступно самому живому автору, поскольку он не рефлектирует это свое отношение, а видит его в культурном продукте [1, с. 95].

4 «...в этом моя архитектурная привилегия» [1, с. 118].

5 Здесь не место подробно аргументировать это соображение. Ограничиваясь коротким пояснением, напомним, что в «Авторе и герое» описаны три формы завершения героя: пространственная, временная и смысловая. Понятие избытка видения как феноменологическое понятие, фиксирующее характеристику *я* по отношению к другому, относится, пожалуй, лишь к пространственной форме. А вот «избыток» во временном аспекте и тем более смысловом уже не является *непосредственным* свойством конкретного *я* в открытом событии бытия, но социальным продуктом, т. е. они опосредованы социальным общением.

ний собственной первой философии, так что завершение предстает у него как определенный эстетический императив, своего рода идеал эстетической деятельности. Кроме того, у обоих мыслителей понятие завершения включено в одну и ту же понятийную конфигурацию, но у Бахтина ее смысл также существенно иной.

В эстетике Когена понятие завершения подчинено понятию эстетической любви. Завершение предстает как продукт, коррелят и в то же время критерий эстетической любви, эстетического чувства [13, S. 184–185]⁶. В эстетику Бахтина переходят оба эти понятия, но акцент смещается на понятие завершения, тогда как понятие эстетической любви несколько отступает на второй план. Точнее, русский мыслитель активно использует понятие любви (подразумевая именно эстетическую любовь), но, в отличие от Когена, который прямо ставит его во главу угла и дает ему логическое определение, Бахтин словно бы избегает дефиниций. Любовь выступает практически тождественной понятию завершения, коль скоро она объединяет оба этапа эстетической деятельности (вживание и завершение извне) и оба кругозора (героя и автора) в единое целое («эстетическое явление»). Однако такого рода косвенные определения встречаются в движении текста, в ходе развертывания, уточнения мысли, но не в отправных или итоговых формулировках.

Кроме того, в концепциях обоих мыслителей эти понятия выступают в связке с вопросом об отношении между эстетикой и религией. Коген однозначно отрицает значение религии для искусства⁷. Такое понимание в определенном смысле противоположно бахтинскому. Уже в тексте «К философии поступка» явно и неявно присутствуют христианские мотивы (в частности, важное указание на жизнь и смерть Христа как модель ответственного поступка вообще). В эстетике же эта связь не менее существенна. Из множества косвенных формулировок отчетливо видно, что

6 Напомню, что главный эстетический труд Когена называется «Эстетика чистого чувства». Эстетическое чувство и эстетическая любовь — тождественные понятия. Можно сказать, хоть это звучит тавтологически, что эстетика Когена — это эстетика эстетической любви.

7 «В корне неверной является методика... которая руководствуется взглядом: искусство питается религией. Верно ровно противоположное: религия питается в полной мере искусством в том, что касается всех ее содержаний и людей, с помощью которых она так или иначе приводит в действие культ...» [13, S. 184].

бахтинское понятие как раз в значительной мере питаемо христианской идеей любви⁸.

Прежде всего, понятие эстетической любви у Бахтина является двусторонним: моей эстетической любви к другому соответствует в нем потребность в этой любви⁹. Эстетическая деятельность предстает в определенной мере аналогом эстетического спасения: «Эстетически творческое отношение к герою и его миру есть отношение к нему — как к имеющему умереть (*moriturus*), противопоставление его смысловому напряжению спасительного завершения» [1, с. 248]. Лексика, связанная с христианством, в частности, с темой спасения, можно сказать, пронизывает характеристику эстетической деятельности, сообщая ей проникновенную теплоту и без преувеличения мистическую глубину. Эстетическая активность со стороны героя в некоторых местах бахтинского текста истолковывается как «эстетическая благодать», «милость» и, в конце концов, прямо как «эстетическое спасение» [1, с. 146]. Позиция автора моделируется по позиции Бога в отношении человека: «Божественность художника — в его причастности к вневходимости высшей» [1, с. 248]¹⁰.

Ориентация на эстетический идеал отношения между Богом и человеком придает этому понятию и эстетике завершения в целом почти априорный характер и черты нормативизма, поскольку идеал авторской деятельности получает вневременное, внеисторическое значение.

8 Христианский подтекст в эстетике Бахтина уже многократно отмечался исследователями, см., например: [2, с. 487–488; 4; 5, с. 33–35; 6, с. 144, 238, 443; 7, с. 57; 10, с. 56–57]; а наиболее основательное изучение темы: [12]. В данном случае мы лишь обращаем внимание на принципиальное различие и смену знака в методологии между Когеном и Бахтиным.

9 «...я испытываю абсолютную нужду в любви, которую только другой со своего единственного места вне меня может осуществить внутренне; эта нужда, правда, разбивает мою самодостаточность изнутри, но еще не оформляет меня утверждающе — извне» [1, с. 129]. Нужно добавить, что в эстетике Когена отсутствует понятие второго сознания.

10 Примечательно, что, несмотря на несомненное присутствие христианских мотивов в эстетике Бахтина, у него, в отличие от Когена, отсутствуют прямые обращения к вопросу о связи между религией и искусством. Таким образом, у Бахтина, как и у Когена, обнаруживается присутствие и, пожалуй, соотносительность трех концептов: эстетической любви, завершения и момента связи искусства с религией. Причем первые два Бахтиным заимствованы у Когена и переосмыслены, а в третьем случае эта связь у Когена предстает под знаком отрицания, а у Бахтина — скорее под знаком утверждения, однако косвенно, без прямой постановки вопроса в общем виде. На фоне Когена этот отказ выглядит сознательным решением.

В то же время именно благодаря этой двусторонности понятия эстетической любви эстетическая деятельность получает привязку к событию бытия и, соответственно, к нравственной философии Бахтина. Поскольку эстетическая любовь является бытийным ответом на абсолютную потребность другого во мне, она предстает как *выражение долженствования — эстетического долженствования*.

В описании эстетической деятельности автора Бахтин настойчиво употребляет модальный глагол «должен». Стилистика долженствования — норма бахтинского описания и анализа авторской активности, окутанной атмосферой нравственной императивности: автор должен занять определенную позицию по отношению к герою; автор должен стать вне себя; автор не должен обращаться к себе; автор должен найти точку опоры вне героя; автор должен вжиться в другого человека; тело героя должно быть пережито мною изнутри; автор должен активно создать внешнее тело другого человека; я должен быть для другого человека тем, чем Бог является для меня; я должен ценностно стать вне своей жизни; я должен ценностно вжиться в каждого из участников картины; я должен создать произведение, которое завершает героя [1, с. 122, 129, 133, 135, 140, 141], и т. п.

В такого рода нормативизме можно выделить два аспекта. Во-первых, он обусловлен эстетическим идеалом полной завершенности героя. Постулируется «прямое отношение автора к герою», а уже на его основе выявляются и анализируются различные виды «отклонений» от этой нормы [1, с. 97–102]. С другой стороны, в большинстве случаев употребление модального глагола имеет значение именно модальности долженствования, а не является стилистическим вариантом обозначения нормы. В частности, в тех случаях, где Бахтин описывает авторскую деятельность уже от первого лица. Наконец, единожды появляется прямое понятие «эстетического долженствования», а именно в контексте утверждения о том, что герой является не объектом, а субъектом: «...только по отношению к нему возможно эстетическое долженствование, возможна эстетическая любовь и дар любви» [1, с. 165].

Однако — если вернуться к исходным положениям первой философии — бахтинское понятие (нравственного) долженствования относится к измерению открытого события бытия. По Бахтину, «долженствование» как установка, состояние живого сознания не поддается теоретическому схва-

тиванию, превращению в теоретический концепт¹¹. Стало быть, тот факт, что Бахтин, описывая эстетическую деятельность автора, постоянно прибегает к модальному глаголу и нередко переходит от третьего лица к первому, означает, что *его описание относится именно к измерению события бытия, т. е. к измерению, принципиально недоступному для теоретического познания*. Событие бытия открывается *только участному мышлению*¹².

Но это означает, что эстетическая феноменология в отношении события бытия может быть только феноменологией деятельности читателя, тогда как деятельность автора непосредственно недоступна феноменологическому видению, во всяком случае в том, что касается эстетического долженствования и эстетической любви. Поскольку же оно пренебрегает этим различием, феноменологическое описание тут выходит на «структурно-эйдетический» уровень¹³, или уровень автора как трансцендентального субъекта, т. е. в той мере, в какой автор тождествен читателю. Иными словами, сочетая участное мышление и структурно-эйдетическое описание, эстетика Бахтина не дифференцирует (возможно, принципиально) между феноменологией события бытия и трансцендентально-феноменологическим рассмотрением деятельности автора. Однако в отношении долженствования можно сказать, что Бахтин фактически описывает свое читательское долженствование, переписывая его автору. Долженствование может быть описано (констатировано, засвидетельствовано) только как «мое» долженствование. Впрочем, ничто не мешает выдвинуть тезис об эстетическом долженствовании также читателя.

В самом деле, живое сознание всегда остается за скобками, коль скоро всегда существует лишь в категории «я». И в этом смысле терминологический перевод первого лица в третье дает повод к недоразумению. Ведь автор-творец как живое сознание с его долженствованием в принципе не может быть объективирован, транскрибирован и т. п. Он недостижим для

11 «Вообще ни одно теоретическое определение и положение не может заключать в себе момент долженствования, и он не выводится из него» [1, с. 10].

12 «Только внутри моей участности может быть понято бытие, как событие...» [1, с. 21].
«Участное мышление» — оригинальное бахтинское понятие. Вот его наиболее развернутое определение: «Участное мышление и есть эмоционально-волевое понимание бытия как события в конкретной единственности — на основе не-алиби в бытии — т. е. поступающее мышление, т. е. отнесенное к себе как к единственному ответственно-поступающему мышлению» [1, с. 42].

13 Термин, предложенный применительно к поэтике Бахтина С.Г. Бочаровым [2, с. 475].

теоретического познания. У Бахтина это различие снято за счет, так сказать, стилистики.

Ясно, что только в событии бытия, т. е. в моем свободном акте, моим свободным волевым решением возможно прощение всех долгов и отказ от всех надежд¹⁴, и это имеет значение только тут и теперь и до тех пор, пока я удерживаю ответственность за это решение¹⁵. Следовательно, другой не менее важный вывод заключается в том, что *эстетическое завершение*, коль скоро оно коррелирует с эстетическим долженствованием, также, в соответствии с логикой бахтинских понятий, *в конечном счете осуществляется в измерении открытого события бытия*.

Таким образом, бахтинское понятие автора-творца не различает между трансцендентальным автором и автором как живым сознанием, как субъектом (специфического) поступка в измерении события бытия. В этом смысле, на наш взгляд, эстетика и теория автора Бахтина, как она представлена в тексте «Автор и герой в эстетической деятельности», является переходной в методологическом отношении, поскольку отчасти это эстетика трансцендентальной субъективности, отчасти же — в той мере, в какой она тяготеет к участному мышлению, — она выходит за рамки трансценденталистского подхода.

Понятие автора-творца (с его характеристиками «внеаходимости», «деятельности завершения», «избытка видения») метафизично в силу своего происхождения и в части своего содержания. Метафизика у Бахтина предстает в форме феноменологии. Благодаря феноменологическому методу Бахтин лучше других мыслителей Серебряного века и в целом начала XX в. сумел соединить философские поиски и философскую эстетику с разработкой конкретного эмпирического материала, использовать метафизические поиски спасения как эвристический потенциал для разрешения позитивных научных проблем литературоведения. Феноменология послужила мостом и одновременно фильтром, который соединил метафизику, эстетику и теорию литературы. Метафизический заряд был отчасти редуцирован, однако не полностью. В итоге присущее бахтинским поня-

14 «Только в мире других возможно эстетическое, сюжетное, самоценное движение — движение в прошлом, которое ценно помимо будущего, в котором прощены все обязательства и долги и все надежды оставлены» [1, с. 185].

15 Очевидно, что в данном случае мы прибегаем к языку участного мышления и описания.

тиям метафизическое содержание, обеспечивающее единство понятий как «идеальных типов», форм мысли, создает определенное напряжение между ними и исследуемым эмпирическим материалом. Область фактов и область понятий соответствуют друг другу частично¹⁶.

Таким образом, понятие автора-творца в изложении Бахтина предстает недифференцированным сочетанием автора как трансцендентальной субъективности и собственной деятельности завершения исследователя, руководствующейся религиозно-эстетическим идеалом и описанной в тонах эстетического долженствования (что и проявляется в колебании между третьим и первым лицом в изложении).

Стало быть, наиболее глубоким фундаментом бахтинской эстетики выступает понятие эстетического долженствования, которое выводится непосредственно из события бытия (описания события бытия). Упрощая, можно сказать, что эстетическое событие, или авторство (что одно и то же), начинается в тот момент, когда некое «я» вменяет себе в долг спасти некоего «другого» от забвения, создав его цельный, завершённый образ.

Однако бытие как событие — культурно обусловленное, культурно нагруженное понятие, оно вовсе не получено в результате чистого описания (т. е. беспредпосылочного в гуссерлевском смысле). С одной стороны, оно означает непосредственное самопереживание индивида, предельное достижение феноменологии (подобно понятию бытия у Хайдеггера). С другой стороны, в это самопереживание уже встроено исторически линейное восприятие времени, т. е. в нем уже присутствует «теория». Но, для того чтобы это стало очевидным для индивида, он должен выйти за рамки непосредственного переживания.

Категории «я» и «другого», опирающиеся на философски обоснованный идеал эстетического завершения, недостаточны для объяснения художественного произведения. Иначе говоря, для того чтобы осуществить завершение героя, автор заимствует ресурсы у культуры и общества. В этом смысле автор-творец — если вынести за скобки момент самопереживания, принадлежащий измерению события бытия, т. е. живое сознание читателя,

¹⁶ В этом смысле о понятии автора-творца, как и некоторых других понятиях Бахтина, можно говорить скорее как об идее, т. е. это некая научно плодотворная метафора, имеющая неопределенный эвристический потенциал, но не описывающая четко ограниченное множество явлений.

пронизанное эстетическим долженствованием, — предстает, по сути, как социокультурное отношение.

Если вернуться к бахтинской формуле о единственности места человека в едином и единственном событии бытия, то эту единственность невозможно схватить, определить через нее самое, т. е. через самосоотнесенность, а только через сопоставление с другими точками в этом бытии-событии, причем здесь недостаточно одной точки — другого, поскольку такое сопоставление превращается в простое обращение разных полюсов одной оппозиции, снование между ними. Вместо этого необходима множественность точек для сопоставления, причем точек, выстроенных в определенную конфигурацию — историческую структуру. Понятие истории *уже* лежит в основе понятия события бытия. Поэтому и автора как «принцип видения» можно понять только через сопоставление с другими пунктами в определенной исторической конфигурации — в истории культуры и истории в целом.

Эта социокультурная и историческая подоплека эстетики Бахтина становится очевидной в заключительном разделе «Автора и героя». Здесь вводится концепция кризиса авторства, которая обнаруживает историчность понятия автора-творца и вместе с этим отчетливо выявляет исторически ограниченный характер категории завершения (и намечает формирование незавершенности как самостоятельной категории). Кризис автора, по Бахтину, обусловлен культурными условиями утраты авторитетности и невозможности завоевания позиции внеаходимости. Таким образом, автор-творец не является онтологическим, сущностным или, проще говоря, всеобщим понятием, но предстает как исторический тип литературных форм, состояния литературного общения и культуры в целом. Также и в еще большей мере культурно обусловленным является понятие эстетического долженствования (как и эстетического завершения). Эстетическое долженствование не есть нечто безусловно бытийное, оно связано с культурной установкой, которая, как было показано выше, имеет христианские корни.

Впрочем, отказ от понимания эстетического долженствования как *безусловной* онтологической категории не означает отрицания его плодотворности как понятия исторически обусловленной читательской установки. Более того, на наш взгляд, именно такую установку стоит развивать, воспитывать, в особенности в уходящую эпоху доминирования научных методов

познания, в частности, методов правильного понимания текста в гуманитарных науках. Понятие эстетического долженствования дает импульс к включению ценностной сферы читателя в поле внимания самой герменевтики, к рефлексии над ней и ее формированием. В этом контексте изображение Бахтиным эстетической деятельности завершения в рамках «сознания автора» также сохраняет мощный эвристический потенциал именно как модель живого прочтения и восприятия произведения. Ведь, пожалуй, ни один другой эстетический подход не позволяет с такой полнотой и внутренней убедительностью переживать произведение как ценностный процесс творчества, так сказать, за автора. Речь идет лишь о том, что процесс познания произведения не может ограничиваться рамками переживания и тем более постулировать его исчерпывающий характер.

Уместно вспомнить дискуссию вокруг проблемы автора, тезис о «возвращении автора» и обеспокоенность его сторонников в отношении безответственности интерпретатора в связи с исчезновением фигуры автора или возможным отрицанием авторской интенции как главного предмета и критерия интерпретации (см.: [8, раздел «Автор», в частности, с. 62, 111; 13]). Одним из них было высказано то соображение, что спасением от произвола интерпретатора должна стать идея ответственности и автора как ответственного центра, как она представлена в раннем тексте Бахтина (см.: [9, с. 32]). Однако, как мы указывали, из положений первой философии Бахтина следует, что ответственность автора находится за пределами теоретического схватывания. Более того, эта идея ответственности в применении к области эстетического является объективацией и обобщением ответственности читателя, личной ответственности М.М. Бахтина¹⁷. Однако есть смысл расширить ее значение. Бахтинское «эстетическое долженствование», по нашему мнению, можно истолковать применительно к деятельности читателя и интерпретатора. В этом случае стоит говорить о *герменевтическом долженствовании*, или *герменевтической ответственности*. О долженствовании и ответственности автора — коль скоро, согласно Бахтину, она принадлежит событию бытия и находится вне сферы теоре-

¹⁷ Разумеется, речь не идет о субъективизме, а только о том, что долженствование и ответственность, опять-таки в соответствии с философией Бахтина, могут быть зафиксированы только как факт живого события бытия. По нашему же мнению, он может интерпретироваться как культурная установка, возможно, как некое культурное априори. Но эта тема требует отдельного рассмотрения.

тического познания — исследователь может судить только на основании собственных авторских высказываний, а это уже является интерпретацией. Внутренняя, не высказываемая прямо ответственность автора и вовсе сфера догадок. Но себе исследователь вполне может вменить некие императивы. Интерпретация не является нейтральным в отношении ее субъекта познавательным актом. Сам Бахтин дает выразительную формулу личной *бытийной* вовлеченности интерпретатора как необходимого условия понимания: «Понять предмет значит понять мое должествование по отношению к нему (мою должную установку), понять его в его отношении ко мне в единственном бытии-событии, что предполагает не отвлечение от себя, а мою ответственную участность» [1, с. 20–21]. Иными словами, акт понимания и интерпретации, по Бахтину, имеет этическое измерение как неотъемлемую предпосылку.

В современных гуманитарных науках в области интерпретации фактически господствует методологический анархизм, и призывы вернуться здесь к авторитаризму, к тезису о единственной верной интерпретации тщетны. По этой причине (и также учитывая невозможность отказа от идеи смысловой незавершимости) мы полагаем, что выход следует искать именно в направлении разработки идеи ответственности читателя и интерпретатора. И понятие герменевтического должествования могло бы стать отправным пунктом для размышлений.

Список литературы

- 1 *Бахтин М.М.* Собр. соч.: в 7 т. М.: Изд-во русские словари; Языки славянской культуры, 2003. Т. 1: Философская эстетика 1920-х годов. 960 с.
- 2 *Бочаров С.Г.* Сюжеты русской литературы. М.: Языки русской культуры, 1999. 632 с.
- 3 *Домашенко А.В.* Порождающее лоно поэзии // Литературоведческий сборник. Донецк: ДонНУ, 2006. Вып. 25: Проблема автора: онтология, типология, диалог. С. 32–48.
- 4 *Исупов К.Г.* Апофатика М.М. Бахтина // Диалог, карнавал, хронотоп. 1997. № 3. С. 19–31.
- 5 *Исупов К.Г.* О философской антропологии М.М. Бахтина // Бахтинский сборник. М.: Прометей, 1990. Вып. I: Сб. ст. С. 30–46.
- 6 *Исупов К.Г.* Судьбы классического наследия и философско-эстетическая культура Серебряного века. СПб.: Русская христианская гуманитарная академия, 2010. 592 с.
- 7 *Кларк К., Холквист М.* Архитектоника ответственности // М.М. Бахтин: pro и contra. Творчество и наследие М.М. Бахтина в контексте мировой культуры / сост. и коммент. К.Г. Исупова. СПб.: РХГИ, 2002. Т. II. С. 32–71.
- 8 *Компаньон А.* Демон теории. Литература и здравый смысл. М.: Изд-во им. Сабашниковых, 2001. 336 с.
- 9 *Фрайзе М.* После изгнания автора: Литературоведение в тупике? // Автор и текст: сб. ст. / под ред. В.М. Марковича и В. Шмида. СПб.: Изд-во С.-Петербургского ун-та, 1996. С. 25–32.
- 10 *Фридман И.Н.* Незавершенная судьба эстетики завершения // М.М. Бахтин как философ. М.: Наука, 1992. С. 51–67.
- 11 *Brandist C.* The Bakhtin Circle: Philosophy, Culture and Politics / Craig Brandist. London: Pluto Press, 2002. 221 p.
- 12 *Coates R.* Christianity in Bakhtin: God and the Exiled Author (Cambridge Studies in Russian Literature). Cambridge University Press, 1999. xiv, 204 p.
- 13 *Cohen H.* System der Philosophie. Berlin: Cassirer, 1912. Т. 3: Ästhetik des reinen Gefühls. Bd. 1. XIV, 402 S.
- 14 *Intention and Interpretation* / edited by Gary Iseminger. Philadelphia: Temple University Press, 1995. 272 p.

References

- 1 *Bakhtin M. M.* *Sobranie sochinenii: v 7 t.* [Collected works: in 7 vols.] Moscow, Izdatel'stvo russkie slovari; Iazyki slavianskoi kul'tury Publ., 2003. Vol. 1: *Filosofskaja estetika 1920-kh godov* [Philosophic aesthetics of the 1920s]. 960 p. (In Russ.)

- 2 Bocharov S.G. *Siuzhety russkoi literatury* [Plots of Russian literature]. Moscow, Iazyki russkoi kul'tury Publ., 1999. 632 p. (In Russ.)
- 3 Domashchenko A.V. Porozhdaiushchee lono poezii [The begetting womb of poetry]. *Literaturovedcheskii sbornik* [Collection of literary criticism]. Donetsk, DonNU Publ., 2006. Issue 25: Problema avtora: ontologiya, tipologiya, dialog [The problem of the author: ontology, typology, dialogue], pp. 32–48. (In Russ.)
- 4 Isupov K.G. Apofatika M.M. Bakhtina [M.M. Bakhtin's apophatics]. *Dialog, karnaval, khronotop* [Dialogue, carnival, chronotope], 1997, no 3, pp. 19–31. (In Russ.)
- 5 Isupov K.G. O filosofskoi antropologii M.M. Bakhtina [On M.M. Bakhtin's philosophical anthropology]. *Bakhtinskii sbornik* [Bakhtin's collection]. Moscow, Prometei Publ., 1990. Issue I: Collection of articles, pp. 30–46. (In Russ.)
- 6 Isupov K.G. *Sud'by klassicheskogo naslediia i filosofsko-esteticheskaiia kul'tura Serebriianogo veka* [The fates of classical legacy and philosophic and aesthetic culture of Silver age]. St. Petersburg, Russkaia khristianskaia gumanitarnaia akademiia Publ., 2010. 592 p. (In Russ.)
- 7 Clark K., Holquist M. Arkhitektonika otvetstvennosti [Architectonics of answerability]. *M.M. Bakhtin: pro i contra. Tvorchestvo i nasledie M.M. Bakhtina v kontekste mirovoi kul'tury* [M.M. Bakhtin: pro and contra. M.M. Bakhtin's work and heritage in the context of world culture]. St. Petersburg, Russkaia khristianskaia gumanitarnaia akademiia Publ., 2002, vol. II, pp. 32–71. (In Russ.)
- 8 Compagnon A. *Demon teorii. Literatura i zdnavyi smysl* [The demon of theory. Literature and common sense]. Moscow, Izdatel'stvo im. Sabashnikovykh Publ., 2001. 336 p. (In Russ.)
- 9 Fraize M. Posle izgnaniia avtora: Literaturovedenie v tupike? [After the expulsion of the author: Literary criticism in a dead end?] *Avtor i tekst* [Author and text]. Collection of articles. Edited by V.M. Markovich and V. Shmid. St. Petersburg, Izdatel'stvo S.-Peterburgskogo universiteta Publ., 1996, pp. 25–32. (In Russ.)
- 10 Fridman I.N. Nezavershennaia sud'ba estetiki zaversheniia [Incomplete fate of the aesthetics of consummation]. *M.M. Bakhtin kak filosof* [M.M. Bakhtin as a philosopher]. Moscow, Nauka Publ., 1992, pp. 51–67. (In Russ.)
- 11 Brandist C. *The Bakhtin Circle: Philosophy, Culture and Politics*. London, Pluto Press, 2002. 221 p. (In English)
- 12 Coates R. *Christianity in Bakhtin: God and the Exiled Author* (Cambridge Studies in Russian Literature). Cambridge University Press, 1999. XIV, 204 p. (In English)
- 13 Cohen H. *System der Philosophie*. Berlin, Cassirer, 1912. T. 3: Ästhetik des reinen Gefühls. Bd. 1. XIV, 402 S. (In German)
- 14 *Intention and Interpretation*, edited by Gary Iseminger. Philadelphia, Temple University Press, 1995. 272 p. (In English)